

ТВОРЧЕСТВО, РЕЛИГИЯ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ

УДК 616.89-06-001.8

*И.И.Кутько, П.Т.Петрюк, В.В.Павленко, О.А.Панченко, Л.В.Панченко***СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ ПОДХОДОВ РЕЛИГИИ (ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ) И НАУКИ
В ПОЗНАНИИ ДУШЕВНЫХ БОЛЕЗНЕЙ**

Институт неврологии, психиатрии и наркологии АМН Украины, Харьковская городская клиническая психиатрическая больница №15, г. Харьков, Реабилитационно-диагностический центр охраны здоровья и радиационной медицины, г.Константиновка Донецкой области, Украина

Ключевые слова: Православная Церковь, душевные болезни, наука, человек, лечение

В последние годы все более актуальным становится изучение сходства и различия взглядов религии (Православной Церкви) и научной медицины на сущность и познание психических расстройств. Такие больные чаще обращаются к религии, некоторые врачи становятся верующими.

С точки зрения Православной Церкви, душевные болезни — это те, которые связаны с изменением психики человека, не укладывающимися в общепринятые рамки человеческого поведения и мышления [1,2,3].

Душа, психика — это необъяснимая и непостижимая человеческим умом некая жизненная сила, данная человеку свыше Богом: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт.2,7).

В Писании это начало называется то душою — «психики», «анима»(греч.), «непеш» (евр.), то духом — «пнеума» (греч.), «спиритус» (лат.), «фраух» (евр.). Бытие в человеке такого начала ясно утверждается как в Ветхом, так и, особенно, в Новом Завете (16).

В Ветхом Завете эта истина особенно ясно выражена в повествовании об образе сотворения души. По изображению Моисея, тогда как тело человека и души животных (Быт. 1, 20, 24) Бог создал из земли, и создал Своим творческим «да будет», при создании богоподобной человеческой души Он ничего не заимствовал из земных стихийных начал, а вместо этого употреблял одно Свое творческое дуновение (Быт. 2, 7). Екклезиаст, соответственно тому, как у бытописателя говорится о происхождении человека, так же говорит о его кончине: «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл. 12, 7). Та же истина утверждается в многочисленных свиде-

тельствах Ветхого Завета о бессмертии души, а также в изображении воскресения мертвых под видом возвращения души в тело (3 Цар. 17, 21; Иез. 37, 6-9).

Человек имеет добрый (здоровый) дух, когда живет по-христиански в соответствии со святыми Божиими заповедями, и злой (нездоровый, поврежденный), когда совершает грехи, живет греховной жизнью. Вследствие повреждения здорового духа душа становится одержимой нечистыми духами (бесами), а тело наследует различные болезни, нередко вызывающие у врачей затруднения в диагностике.

Как правило, такие заболевания проявляются в церкви, когда человек соприкасается со святыней, потому и лечение здесь адекватно только духовное, оговоренное церковными канонами.

Например, во время молебнов о здравии, проводимых в больницах, нередко приходится наблюдать симптомы духовного заболевания человека.

Научная медицина, как правило, рассматривает психическое расстройство с точки зрения адаптации организма.

Изучение социальной адаптации идет по многим направлениям: 1) профессиональная адаптация (адаптация к производственно-техническим факторам среды); 2) приспособление человека к личностной среде предприятия, к производственному коллективу, его официальной и неофициальной структуре на разных уровнях — от первичного (ближайшее окружение) до основного коллектива (предприятия в целом), а также к окружающему внепроизводственному коллективу; 3) приспособление человека к природе путем создания жилищ, одежды, транспорта, различных технических сооружений; 4) адаптация человека к различным формам общественного сознания (науке, политике, праву, морали,

искусству, религии) осуществляется в результате их усвоения общественным индивидуумом.

Одной из форм защиты человека от болезни, от природы, выступающей на первый план в современном обществе, является религия. Она решает тройную задачу: грубо задетое самолюбие человека требует утешения; мир и жизнь должны быть представлены не ужасными, и кроме того, просит какого-то ответа человеческая любознательность, движимая, конечно, сильнейшим практическим интересом.

Самым первым шагом достигается уже очень многое. И этот первый шаг — очеловечение природы. С безличными силами и судьбой не вступишь в контакт, они остаются вечно чужды нам. Но если в стихиях бушуют страсти, как в твоей собственной душе, если даже смерть не стихийна, а представляет собою насильственное деяние злой воли, если повсюду в природе тебя окружают существа, известные тебе из опыта твоего собственного общества, то ты облегченно вздыхаешь, чувствуешь себя как дома среди жути, можешь психически обрабатывать свой безрассудный страх. Ты, может быть, еще беззащитен, но уже не беспомощно парализован, ты способен по крайней мере реагировать, а может быть ты даже и не беззащитен, ведь почему бы не ввести в действие против сверхчеловеческих насильников, то есть сил внешней природы, те же средства, к которым мы прибегаем в своем обществе; почему бы не попытаться заклисть их, умилостивить, подкупить, отняв у них путем такого воздействия какую-то часть их могущества. Такая замена естествознания психологией не только дает мгновенное облегчение, она указывает и путь дальнейшего овладения ситуацией.

Ибо ситуация эта, по существу, не нова, у нее есть прообраз, она, собственно, лишь продолжение более ранней ситуации. Ведь в такой же беспомощности человек когда-то находился уже маленьким ребенком перед лицом родительской пары, не без оснований внушавшей ребенку страх, особенно отец, на которого при всем том можно было, однако, рассчитывать, ища защиты от известных в том возрасте опасностей. Так что всего проще было приравнять друг к другу обе ситуации.

Со временем делаются первые наблюдения относительно упорядоченности и закономерности природных явлений, силы природы утрачивают поэтому свои человеческие черты. Но беспомощность человека остается, а с нею тоска по отцу и богу. Боги сохраняют свою тройную за-

дачу: нейтрализуют ужас перед природой, примирняют с грозным роком, выступающим прежде всего в образе смерти, и вознаграждают за страдания и лишения, выпадающие на долю человека в культурном обществе.

Но постепенно акцент внутри этих функций богов смещается. Люди замечают, что природные явления, следуя внутренней необходимости, происходят сами собой; боги, разумеется, господа природы, они ее устроили и могут теперь заняться своими делами. Лишь от случая к случаю посредством так называемых чудес они вмешиваются в ее ход как бы для того, чтобы заверить, что они ничего не уступили из своей первоначальной сферы господства. Что касается повелений рока, то неприятная догадка: неведению и беспомощности рода человеческого тут ничем не можешь, — остается в силе. Боги здесь отказывают раньше всего; если они сами хозяева рока, то их решения приходится назвать непостижимыми; одареннейшему народу древности брезжит понимание того, что «Мойра» (богиня судьбы в греческой мифологии) стоит над богами и что боги сами имеют свои судьбы. И чем более самостоятельной оказывается природа, чем дальше отстраняются от нее боги, тем напряженнее все ожидания сосредоточиваются на третьей отведенной им функции, тем в большей мере нравственность становится их подлинной сферой. Задача бога теперь состоит в том, чтобы компенсировать дефекты культуры и наносимый ею вред, вести счет страданиям, которые люди причиняют друг другу в совместной жизни, следить за исполнением предписаний культуры, которым люди так плохо подчиняются. Сами предписания культуры наделяются божественным происхождением, они поднимаются над человеческим обществом, распространяются на природу и историю мира.

Так создается арсенал представлений, порожденных потребностью сделать человеческую беспомощность легче переносимой, выстроенных из материала воспоминаний о беспомощности собственного детства и детства человеческого рода. Ясно видно, что такое приобретение ограждает человека в двух направлениях — против опасностей природы и рока и против травм, причиняемых самим человеческим обществом. Общий смысл всего таков: жизнь в нашем мире служит какой-то высшей цели, которая, правда, нелегко поддается разгадке, но, несомненно, подразумевает совершенствование человеческого существа.

По-видимому, объектом этого облагораживания и возвышения должно быть духовное начало в

человеке — душа, которая с течением времени так медленно и трудно отделилась от тела. Все совершающееся в земном мире есть исполнение намерений какого-то непостижимого для нас ума, который пусть трудными для понимания путями и маневрами, но в конце концов направит все к благу, то есть к радостному для нас исходу. За каждым из нас присматривает благое, лишь кажущееся строгим провидение, которое не позволит, чтобы мы стали игральным мячом сверхмощных и беспощадных сил природы; даже смерть есть вовсе не уничтожение, не возвращение к неорганической безжизненности, но начало нового вида существования, ведущего по пути высшего развития. И, с другой стороны, те же нравственные законы, которые установлены нашими культурами, царят над всеми событиями в мире, разве что всевышняя инстанция, вершащая суд, следит за их исполнением с несравненно большей властью и последовательностью, чем земные власти. Всякое добро в конечном счете по заслугам вознаграждается, всякое зло карается, если не в этой форме жизни, то в последующих существованиях, начинающихся после смерти.

Таким образом, все ужасы, страдания и трудности жизни предназначены к искуплению; жизнь после смерти, которая продолжает нашу земную жизнь так же, как невидимая часть спектра примыкает к видимой, принесет исполнение всего, что мы здесь, может быть, не дождались. И неприступная мудрость, управляющая этим процессом, всеблагодать, в нем выражающаяся, справедливость, берущая в нем верх, — все это черты божественных существ, создавших нас и мир в целом. Или скорее единого божественного существа, которое в нашей культуре сосредоточило в себе всех богов архаических эпох. Народ, которому впервые удалось такое соединение всех божественных свойств в одном лице, немало гордился этим шагом вперед. Он вышел из отцовского ядра, которое с самого начала скрывалось за всяким образом бога; по существу это был возврат к историческим началам идеи бога. Теперь, когда бог стал единственным, отношение к нему снова смогло обрести интимность и напряженность детского отношения к отцу. Коль скоро для божественного отца люди сделали так много, им хотелось получить взамен и вознаграждения, по крайней мере стать его единственным любимым ребенком, избранным народом. Намного позднее благочестивая Америка выдвинула притязания быть «собственной страной бога», и это опять же верно в от-

ношении одной из форм поклонения человечества божеству.

Подытоженные выше религиозные представления, естественно, имели долгую историю развития, зафиксированы разными культурами на их различных фазах. В данном случае взята отдельная фаза, примерно соответствующая окончательной форме религии в нашей сегодняшней христианской культуре. Легко заметить, что не все детали религиозного целого одинаково хорошо согласуются друг с другом, что противоречия повседневного опыта с большим трудом поддаются сглаживанию. Но и такие, какие они есть, эти, в широком смысле религиозные, представления считаются драгоценнейшим достоянием культуры, высшей ценностью, какую она может предложить своим участникам, гораздо большей, чем все искусства и умения, позволяющие открывать земные недра, снабжать человечество пищей или предотвращать его болезни. Люди говорят, что жизнь станет невыносимой, если религиозные представления утратят для них ту ценность, которую они им приписывают. И вот встает вопрос, что является собой эти представления в свете психологии, откуда идет столь высокая их оценка, какова их действительная ценность?

Религия несомненно оказала человеческой культуре великую услугу, сделала для усмирения асоциальных влечений много, но недостаточно. На протяжении многих тысячелетий она правила человеческим обществом; на что она способна.

Необходимо подчеркнуть, что до настоящего времени ещё в таких теократических государствах, как Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и Марокко, политическая власть принадлежит духовенству и глава церковной иерархии наделен высшей духовной и светской властью. Например, в соответствии с Конституцией Ирана, государственное управление страной пребывает под контролем факиха, который стоит выше Президента Исламской Республики Иран. Он назначает генерального прокурора, главу Верховного Суда, утверждает в должности Президента и др. Послание факиха имеет высшую силу в сравнении с законом и им должны руководствоваться судебные органы [4].

Религиозные представления суть тезисы, высказывания о фактах и обстоятельствах внешней (или внутренней) реальности, сообщающие нечто такое, чего мы сами не обнаруживаем и что требует веры. Поскольку они информируют нас о самом важном и интересном в нашей жизни,

они ценятся особенно высоко. Кто ничего о них не знает, тот крайне невежествен; кто их усвоил, тот вправе считать себя очень обогатившимся.

Неоднократно указывалось на то, вплоть до каких подробностей прослеживается сходство между религией и навязчивым неврозом, сколь много своеобразных черт и исторических перипетий религии можно понять на этом пути. Со сказанным хорошо согласуется и то, что благочестивый верующий в высокой степени защищен от опасности известных невротических заболеваний: усвоение универсального невроза снимает задачу выработки своего персонального невроза. Понимание исторической ценности известных религиозных учений повышает наше уважение к ним, однако не обесценивает нашу рекомендацию исключить религию при объяснении мотивировок предписаний культуры. Наоборот, это исторический опыт помог нам выработать концепцию религиозных догматов как своего рода невротических реликтов, и теперь мы вправе сказать, что, по-видимому, настало время, как при психоаналитическом лечении невротиков, заменить результаты насильственного вытеснения плодами разумной духовной работы.

По видимости, современный мир возник из антирелигиозного движения. Человеку достаточно самого себя. Разум взамен религиозного верования. Наше поколение и два предшествующих только и слышали, что о конфликте между верой и наукой. До такой степени, что однажды казалось — вторая должна решительно заменить первую.

По мере продолжения напряженности становится очевидным, что конфликт должен разрешиться в совершенно иной фазе равновесия — не путем устранения, не путем сохранения двойственности, а путем синтеза. После почти двухвековой страстной борьбы ни наука, ни вера не сумели ослабить одна другую. Но всем даже напротив становится очевидным, что они не могут развиваться нормально одна без другой по той простой причине, что обе одушевлены одной и той же жизнью. В самом деле, ни в своем порыве, ни в своих истолкованиях наука не может выйти за пределы самой себя, не окрашиваясь мистикой и не заражаясь верой.

Мы касались этого момента, рассматривая проблему действия. Человек может трудиться и продолжать исследования лишь в том случае,

если он сохранит к этому склонность. Но эта склонность всецело связана с убеждением, совершенно недоказуемым для науки, что универсум имеет смысл и что он может, и даже должен, если мы останемся верны, прийти к какому-то необратимому совершенству. Вера в прогресс.

В своих истолкованиях затем мы можем научно рассматривать почти бесконечное усовершенствование человеческого организма и человеческого общества. Но как только речь заходит о практической материализации наших мечтаний, мы констатируем, что проблема остается нерешенной или даже неразрешима, если только не допустим частично путем сверхрациональной интуиции конвергентности мира, к которому мы принадлежим. Вера в единство.

Более того, если под давлением факторов мы выскажемся в оптимистическом духе в пользу объединения, то для движения вперед нам нужен не только порыв и специфическая цель, фиксирующая это движение, но возникает техническая необходимость открыть связующее вещество или специальный цемент, который внутренне объединит наши жизни, не искажая и не преуменьшая их. Вера в безмерно притягательный центр личности.

В общем, как только выходя за пределы низшей и предварительной стадии аналитических исследований наука переходит к синтезу, который, естественно, завершается реализацией какого-то высшего состояния человека, тотчас же она вынуждена предвосхищать будущее и целое и делать ставку на них и тем самым, выходя за пределы самой себя, она начинает делать выбор и заниматься поклонением.

Значит, мыслители XIX века не ошибались, когда говорили о религии науки. Их ошибка состояла в том, что они, создавая культ человечества, включили в этот культ в обновленной форме те же самые духовные силы, от которых, как они считали, им удалось избавиться.

Религия и наука — две непрерывно связанные стороны, или фазы. Одного и того же полного акта познания природы, физического и психического здоровья человека.

Во взаимном усилении этих двух все еще антагонистических сил, в соединении разума и мистики человеческому духу самой природой его развития предназначено найти высшую степень своей пронизательности вместе с максимумом своей жизненной силы.

I.I.Кутько, П.Т.Петрюк, В.В.Павленко, О.А.Панченко, Л.В.Панченко

СХОЖІСТЬ І ВІДМІННОСТІ ПІДХОДІВ РЕЛІГІЇ (ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ) ТА НАУКИ У ПІЗНАННІ ДУШЕВНИХ ЗАХВОРЮВАНЬ

Інститут неврології, психіатрії і наркології АМН України, Харківська міська клінічна психіатрична лікарня №15, м. Харків, Реабілітаційно-діагностичний центр охорони психічного здоров'я та радіаційної медицини, м.Константинівка Донецької області, Україна

В статті розглядаються підходи до визначення психіки та психічних розладів в Православній Церкві та науковій психіатрії. Показана психотерапевтична роль релігії в стресових ситуаціях, захист віруючих від невротичних захворювань. Приведено аналіз релігії та науки як двох нероздільно зв'язаних сторін або фаз одного і того ж повного акту пізнання психічного здоров'я людини. (Журнал психіатрії та медичної психології. — 2004. — № 1 (11). — С. 79-83)

I.I. Kut'ko, P.T. Petryuk, V.V. Pavlenko, O.A.Panchenko,L.V.Panchenko

SIMILARITY AND DIFFERENCE OF APPROACHES BY RELIGION (ORTHODOX CHURCH) AND SCIENCE IN COGNIZANCE OF MENTAL ILLNESSES

Institute of Neurology, Psychiatry and Narcotic Addiction Studies under Academy of Medical Sciences of Ukraine, Kharkiv Municipal Clinical Mental Hospital № 15, City of Kharkiv, Rehabilitation-Diagnostic Center for Protection of Mental Health and Radiation Medicine, Town of Konstantynivka, Ukraine.

This paper considers the approaches toward definition of psyche and mental disorders as practiced by Orthodox Church and scientific psychiatry. The psychotherapeutic role of Religion is brought forward in stress situations as being protective from neurotic illnesses for believers in God. Analysis of Religion and Science is brought out for consideration as two inseparable sides of one and the same thing or phases of the same overwhelming act of deep understanding of mental health of the Man. (The Journal of Psychiatry and Medical Psychology. — 2004. — № 1 (11). — P. 79-83)

Литература

1. Знаки часу: До проблеми порозуміння між Церквами // Упоряд. З.Антонюк, М.Маринович. — К: Сфера, 1999. - 504 с.
2. Авдеев Д.А. Православная психиатрия. — М.: Цитадель, 1997. — 125 с.
3. Mortimer Ostow. Religion and Psychiatry // Alfred M.Freedman, Harold J. Kaplan, Benjamin J. Sadock. Comprehensive Textbook of Psychiatry. - Volume 2. - Second Edition. - Baltimore, 1985. — P. 2528 — 2536.
4. Снегірьов В. Типологія держав відносно релігії // Вісник прокуратури. — 2003. - № 6(24). — С. 98-100.

Поступила в редакцію 21.04.03